

исторический контекст

Алексей
Волынец

РУБЛЬ,
КОТОРОГО
НЕ БЫЛО

*Очерки экономической
истории России*

РЕДАКЦИЯ
КПЭ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-311.6

ББК 84(2Рос = Рус)6

В70

Серия «Исторический контекст»

Разработка серии и дизайн В. А. Воронина

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Волынец, Алексей

В70 Рубль, которого не было. Очерки экономической истории России / Алексей Волынец. — Москва: Издательство АСТ; Редакция «КПД», 2026. — 416 с. — (Исторический контекст).

ISBN 978-5-17-186191-9

Экономическая история находится в тени политической. Монархов и полководцев помнят лучше, чем былые успехи торговли или хозяйственные кризисы. Нашими современниками напрочь забыты даже названия товаров, некогда игравших в российском экспорте роль не меньшую, чем сибирские соболя при первых Романовых или газ и нефть сегодня.

Между тем история отечественной экономики драматична и увлекательна не меньше, чем политические и военные перипетии нашего прошлого.

Сколько Русь платила Орде, как Пушкин не заметил талоны на хлеб, сколько стоил кошачий мех и каким было настоящее чёрное золото — всё это и много другое о прошлом нашей экономики расскажет историк Алексей Волынец в своей новой книге.

УДК 821.161.1-311.6

ББК 84(2Рос = Рус)6

© Алексей Волынец, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

ISBN 978-5-17-186191-9

Если спросить нашего современника о самой мелкой монете в истории России, то наиболее знающие наверняка вспомнят «полушку» — 1/4 копейки. «За морем телушка — полушка, да рубль перевоз» — эту народную присказку знают если не все, то многие.

Но наверняка почти все, кроме профессиональных историков и опытных нумизматов, очень удивятся, когда узнают, что самая мелкая монета в русской истории имела номинал 1/120 копейки. Прописью — одна сто двадцатая копейки!

Ныне забытая мелочь называлась «пуло» или «пула». История этого имени сложна. Если Москва считала себя Третьим Римом в теории, то наименование самой мелкой монеты на Руси происходило из Древнего Рима на практике.

Накануне краха Римской империи мелкая серебряная монета делалась из нечистого серебра и так обесценилась, что в обращении использовались целые мешочки с ней. Их называли *follis*, то есть «кошелёк». Это имя по наследству перешло к самой мелкой медной монете Византии, а затем на Ближний Восток. Оттуда с арабскими купцами оно попало в поволжские города Золотой Орды и далее на Русь.

По пути за несколько веков «фоллис» трансформировался в «фулюс», затем «фуло» и, наконец, в русское «пуло» (неудивительно, так средневековый «талер» за несколько веков, пройдя из Европы в Америку, трансформировался в «далер», а потом в известный всем «доллар»).

За полвека до Куликовской битвы медную мелочь по примеру Орды стали чеканить в Нижегородском княжестве, а затем в Москве, Твери и Новгороде.

В домонгольской Руси денежные единицы делались только из серебра. Но своих источников этого драгметалла в нашей стране не было, его покупали на внешнем рынке. В золотоордынское время немало серебра утекало из русских княжеств в виде дани наследникам Чингисхана, поэтому серебро стало очень дорогим. За век до свержения ордынского ига в Новгороде, если переводить в наши единицы измерения, один килограмм хлеба стоил 0,075 грамма серебра. Использовать серебряную монету такого мизерного веса невозможно физически. Так в русских городах на излёте ордынского ига возникла потребность в мелкой разменной монете.

Её стали делать по примеру ордынцев из меди. Своей меди на Руси тогда тоже не имелось, но она хотя бы стоила в сорок раз дешевле серебра. Медные пулы чеканили во многих городах: так, в Московском княжестве их выпускали, помимо столицы, в Можайске, Ярославле и Угличе.

Пулы стали местными деньгами для розничной торговли, обращаясь лишь там, где чеканились. Купцы их в коммерции не использовали, и кладов с такой мелочью обычно тоже не делали (как сейчас никому не придёт в голову хранить в банковской ячейке копеечные монеты). Поэтому пулы многих городов не сохранились. Например, до нас дошла лишь одна-единственная смоленская пула.

Копейка же в прошлом была немалой суммой: при Иване Грозном профессиональный воин-стрелец получал около 30 копеек в месяц. Пять веков назад серебряная копейка равнялась 120 медным пулам.

По форме такая одна двенадцатитысячная рубля — это тоненькая медная чешуйка весом в треть грамма и диаметром 9–13 миллиметров (куда меньше современной 10-копеечной монеты РФ, которую

ещё можно найти в наших кошельках). Накануне Смутного времени такие пулы несли едва заметный схематический оттиск двуглавого орла и надпись на обороте «пуло московское», «пуло тверское» или «пуло новагорода» — в зависимости от места чеканки. При Иване Грозном и ранее вместо двуглавого орла изображалось то, что современные нумизматы именуют «сирена» — некая фантастическая птица с одной головой в короне и загнутым хвостом.

Исчезли пулы из обращения в конце XVII столетия благодаря международной торговле и колониальным завоеваниям: после открытия богатейших рудников Америки серебро в Европе, а потом и в России подешевело в четыре-пять раз. А вскоре и в нашей стране на Урале нашлись свои источники серебра и меди, поэтому Пётр I в 1699 — 1701 годах начал массовую чеканку полушек, копеек, гривенников и полтинников. Пулы же навсегда ушли в прошлое, подобно тому как сегодня уходят в историю копейки...

Последние полтора века работорговля является уголовным преступлением. Но в прошлом большинство людей в нашей стране, как и во всём мире, имели свою чётко определённую рыночную цену.

Попробуем вспомнить, сколько же стоил русский человек, когда был живым товаром.

«ЧЕЛЯДИННАЯ ЦЕНА»

У древних славян, как и у всех народов накануне образования государственности, существовало патриархальное рабство. Византийские хроники V – VII веков содержат достаточно сведений о выплате славянским племенам немалых сумм за выкуп уведённых в рабство подданных Восточной Римской империи после удачных набегов славянских соседей. Так, император Анастасий Дикор (430 – 518 годы), первый владыка Византии, который в VI веке начал масштабные войны со славянами, после одного из набегов, разоривших Северную Грецию, был вынужден заплатить славянским вождям «тысячу фунтов золота на выкуп пленных» (то есть 327 килограммов золота).

Но первое дошедшее до нас сообщение об индивидуальной стоимости славянского раба появляется только в самом начале X века. В 906 году тринадцатилетний король Людовик, монарх располагавшегося на землях современных Германии и Австрии Восточно-Франкского королевства, утвердил так называемый Раффельштеттенский таможенный устав, который регулировал сбор торговых пошлин на реке Дунай.

Одна из статей этого устава гласила:

Славяне же, отправляющиеся для торговли от ругов или богемов, если расположатся для торговли где-либо на берегу Дуная и пожелают продать рабов или лошадей, то за каждую рабыню платят по одному тремиссу, столько же за жеребца, за раба — одну сайгу, столько же за кобылу.

Большинство историков идентифицируют ругов как руссов, а богемов, естественно, как чехов. Трёмисс — мелкая золотая монета поздней Римской империи, около 1,5 грамма золота. «Сайга» — это германское наименование римской же золотой монеты времён императора Константина Великого, примерно 4,5 грамма золота. Пошлины на такую торговлю обычно составляли 1/10 от стоимости товара, поэтому понятна цена рабов из славянских земель: раб стоил примерно 45 граммов золота, а рабыня — 15 граммов. Ныне золото стоит больше 12 тысяч рублей за грамм, получаем 540 тысяч современных рублей за мужчину, 180 тысяч рублей за женщину. Однако здесь стоит учесть, что в прошлом, до эпохи промышленной добычи золота, этот металл ценился гораздо выше, чем в наши дни.

Первый собственно русский документ с указанием цены человека является и первым же дошедшим до нас дипломатическим документом Древней Руси. Одна из статей договора с Византией, заключённого в 911 году после удачного набега славян на Константинополь, устанавливала выгодную для руссов цену на выкупаемых рабов — 20 золотых монет. Здесь речь, видимо, идёт о солидах, основной золотой монете Византии, и, таким образом, цена человека составляет порядка 90 граммов золота — в два раза выше принятой тогда «среднерыночной» цены раба.

Поход славян на Византию 944 года был менее удачен. Поэтому новый договор наших предков с византийцами устанавливал уже вполне рыночную «челядинную цену» на рабов. «Юноша или девица добра» стоили 10 золотых монет (45 граммов золота) или «две паволоки» — два куска шёлка определённой длины. «Середович», то есть как бы сейчас сказали, «товар средней ценовой категории», стоил 8 золотых монет, а старик или ребёнок оценивались в 5 монет золотом.

В эпоху расцвета Киевской Руси, по Русской Правде, сборнику законов XI века, стоимость холопа оценивается в 5 — 6 гривен. Большинство историков считают, что здесь идёт речь о так называемых гривнах кун, которые были в четыре раза дешевле серебряных гривен. Так что в то время человек стоил около 200 граммов серебра, или 750 выделанных беличьих шкурок.

В 1223 году, как раз когда русские впервые столкнулись с передовыми отрядами монголов в неудачной битве на Калке, смоленский князь Мстислав Давидович заключил первый дошедший до нас торговый договор с немецкими купцами из Риги и Голланды. По этому договору стоимость холопа оценивалась в одну гривну серебром (равную примерно 4 гривнам кун из Русской Правды). Серебряная гривна весила тогда 160 — 200 граммов серебра и примерно равнялась по стоимости 15 граммам золота. Несложно подсчитать, что в провинциальном Смоленске человек стоил чуть дешевле, чем в столичном Киеве, и в три раза дешевле, чем в богатейшем и крупнейшем мегаполисе того времени Константинополе.

На стоимость рабов оказывала влияние и рыночная конъюнктура. Во время удачных военных походов, когда в рабстве оказывалась масса пленников,

стоимость рабов заметно падала. Так в 944 — 945 годах русы во время набегов на побережье Каспийского моря, как сообщает византийский хронист, продавали рабов по 20 арабских дирхемов. Это примерно 60 — 70 граммов серебра за человека.

В 1169 году новгородцы разгромили войска Суздальского княжества и захватили такое множество пленных, что «купляху суждальц по 2 ногаты». Это десятая часть гривны, примерно 20 граммов серебра. Коза или овца тогда стоили по 6 ногат, свинья — 10 ногат, а кобыла — 60 ногат. В том же 1169 году владими́ро-суздальское войско впервые в истории города взяло штурмом Киев, захватив там множество пленников и перепродав их в рабство. Как пишет Ипатьевская летопись: «Христиан убивали, других вязали, жён вели в плен, разлучая силою с мужьями». Неудивительно, что тот год для Руси стал депинговым по ценам на человека.

ДЕВУШКИ ПО 15 КОПЕЕК

По примерным оценкам историков, монгольское нашествие обратило в рабство до 10 % населения Руси и Восточной Европы вообще, породив уже в XIII веке налаженную систему работорговли. В частности, через порты Крыма и Черноморские проливы поток восточноевропейских рабов пошёл в Северную Африку и Италию, где как раз начался расцвет городской культуры, а прошедшая в 1348 году эпидемия чумы выкосила население и породила резкий рост спроса на рабочие руки. Эта средиземноморская торговля живым товаром просуществовала несколько столетий, до XVIII века включительно.

Благодаря неплохо сохранившимся документальным свидетельствам из итальянских городов эпохи

Раннего Ренессанса, известны цены на славянских рабов, которые тогда составляли треть всего живого товара, покупаемого и продаваемого генуэзскими и венецианскими купцами. В Венеции в 1361 году средняя цена за раба из Восточной Европы составляла 139 лир за человека, то есть примерно 70 граммов золота высокой пробы.

Большинство рабов составляли женщины от шестнадцати до тридцати лет и дети. Цены на женщин на итальянском рынке были выше цены на мужчин. В 1429 году семнадцатилетняя русская девушка была куплена в Венеции за 2093 лиры — это максимальная цена из всех известных историкам сделок, немного больше килограмма золота высокой пробы. Впрочем, красивые девственницы для утех всегда были особым, штучным товаром, цена которого на порядок превышала цену обычного раба.

Судя по архивным документам 1440 года, цена за русскую девушку на невольничьем рынке Венеции не опускалась ниже 1122 лир. Дешевле русских продавались черкешенки, считавшиеся самыми красивыми на Кавказе, — от 842 до 1459 лир за человека в тот год.

Итальянские историки, изучавшие вопросы средиземноморской работорговли, заметили, что цены на рабов с каждым веком росли. Но это было связано не столько с дефицитом рабов, бесперебойно поставлявшихся Крымским ханством, сколько с падением цены на серебро и золото в XV — XVII веках.

Цены на рабов значительно отличались в зависимости от географии торговли — от высоких в богатых мегаполисах Средиземноморья до минимальных в степях и лесах Северного Кавказа и Восточной Европы. Там вооружённые отряды «заготавливали» живой товар самым внеэкономическим способом — прямым неприкрытым насилием.

Крымские и ногайские татары специализировались на набегах за живым товаром в земли современной Украины, Кавказа и Южной России. Казаки Днепра и Дона занимались аналогичным промыслом в Поволжье, на Каспии и у тех же татар и турок. На севере Восточной Европы главными специалистами по работорговле были новгородские ушкуйники (северный аналог южных казаков). Вооружённые отряды этих лихих людей из Великого Новгорода осваивали берега Белого моря и Северный Урал, собирали «пушную дань» и обращали в рабство аборигенов из финно-угорских племён. Историки именуют эту деятельность термином «торгово-разбойничьи экспедиции».

В начале XVI века на далёких северных окраинах Московии захваченный в рабство остяк или вогул (хант или манси) мог быть куплен непосредственно у ушкуйников по цене не более 10 новгородских копеек — чуть менее 10 граммов серебра. В крымской Каффе, главном центре черноморской торговли живым товаром, такой раб стоил уже в среднем 250 турецких монет — акче. Это примерно 200 — 250 граммов серебра — столько же, сколько пять веков ранее в среднем стоил раб, продаваемый варягами из Киева грекам в Херсонесе.

Вывезенный из Крыма раб в Османской империи или городах Италии продавался уже в пять-десять раз дороже и стоил 25 — 50 византийских «дукатов» (от 80 до 150 граммов золота 986-й пробы). Цены на красивых женщин, как уже упоминалось, могли быть значительно, на порядок, выше.

Помимо внешней торговли рабами Московская Русь знала и внутренний рынок живого товара. С XV века в стране всё более распространялось холопство — социально-экономическое явление, близкое к рабовладению. Когда Великое княжество Мо-

сковское окончательно освободилось от ордынской зависимости, внутренняя цена на русского холопа колебалась от 1 до 3 рублей. Веком позднее, к середине XVI столетия, холоп стоил уже чуть дороже — от 1,5 до 4 рублей. В начале царствования Бориса Годунова, накануне Смутного времени, в сытые годы цена холопа составляла 4–5 рублей, в голодные неурожайные годы падала до 2 рублей.

Войны и захват множества пленников периодически опускали цены на живой товар до минимума. Например, во время русско-шведской войны 1554–1557 годов армия под командованием воеводы Петра Щенятева разгромила под Выборгом шведское войско и захватила в Финляндии и Карелии множество пленников, цены на которых тут же упали до копеечных в буквальном смысле. Одна из русских летописей XVI столетия приводит эти цены: «В гривну немчин, а девка — в пять алтын». Здесь гривной уже именуется гривенник, монета в 10 копеек, а алтын — это московская монета в 3 копейки. То есть пленный финн, карел или швед продавались стрельцами боярина Щенятева за 10 копеек, а захваченные молодые девушки — по 15 копеек.

ЖОНКА КИРГИЗСКОЙ ПОРОДЫ

Если торговлю пленниками, захваченными во внешних войнах, государство не контролировало, то фактическое рабовладение-холопство внутри страны государство пыталось регулировать и учитывать. Чиновники вели особые кабальные книги, в которых фиксировались сделки по обращению в холопы. Кроме того, государство взимало с приобретателей холопов особый налог, поэтому кабальные книги велись скрупулёзно во всех городах Московии.

Наиболее подробные и полные кабальные книги сохранились в Новгородской земле. И историки уже в XX веке тщательно подсчитали, что, например, в 1594 году средняя цена холопа в Новгороде составляла 4 рубля 33 копейки, а в новгородской провинции цены на холопов были ниже — в среднем от 2 рублей 73 копеек до 3 рублей 63 копеек.

Сохранились и тексты отдельных кабальных грамот, которыми оформлялась продажа в холопы.

Купил Сенка, Васильев сын, Всеславин, Фетка, Офносова сына, новгородца, в полницу себе и своим детям, а дал на нем два рубля денег новгородских. От Юрия Захарьевича, от наместника, приходил пристав Васюк Борогат. От великаго князя, Ивана Васильевича, всея Руси, тамгу и осмничее таможицы взяли. Полную писал чернец Гаврилов, сын Паюсова. У полной печать писана в кругу тамга Великого Новагорода.

Этот документ, именуемый «полная», свидетельствует, что некий Семён Васильевич Всеславин купил себе и своим детям новгородца Фёдора за 200 граммов серебра, за что заплатил 16 граммов серебра пошлины московскому великому князю Ивану III. Заметим, что в самом конце XV века холоп в Московском государстве стоит столько же, сколько стоил раб в Киевской Руси тремя веками ранее.

Интересно, что Судебник 1497 года, первый кодекс законов, созданный в Московском государстве, предусматривал, что в случае принятия православной веры рабами неправославных иноземцев хозяевам давался за них выкуп в размере 15 рублей за человека. Это было заметно выше среднерыночной цены холопа и делало такое декларативное освобождение очень сложным.

Присоединение Сибири велось прежде всего в погоне за сверхприбылями, которые давала перепродажа в Западную Европу и Средиземноморье соболиных мехов. Но освоение земель к востоку от Урала тоже не обошлось без торговли живым товаром. Все сибирские народы уже знали патриархальное рабство, а дошедшие до нас документы московских министерств — приказов — оставили свидетельства русской работорговли в Сибири.

Так, в 1610 году грамота из Сургута сообщает о том, как Кирша Кунязев, «князец Парабельской волости Пегой орды» (то есть селькуп, представитель малой народности, живущей ныне в современном Ямало-Ненецком округе РФ), вынужден был заложить жену и двух сыновей, чтобы занять 12 соболей для уплаты ясака — мехового налога за год. А в 1644 году сибирские казаки из Берёзовского острога купили у ненцев «самоядскую девку» в обмен на муку.

Сибирь считалась пограничной территорией, и с живого товара, покупаемого у иностранных продавцов, взималась таможенная пошлина, так же как со скота и других предметов торговли. Тот, кто покупал раба, платил «поголовное» в размере 8 алтын и 2 деньги (то есть 25 копеек) за каждого, а тот, кто продавал, платил «десятую пошлину», то есть 10 % с цены продажи. При этом средняя цена на раба в Сибири конца XVII столетия составляла 2 рубля с полтиной.

Цены на красивых женщин были традиционно выше. Так, записная книга крепостей (сибирский аналог кабальных книг, фиксировавших сделки с живым товаром) города Томска содержит запись о том, что «1702 года, генваря в 11 день» сын боярский Пётр Греченин подал купчую крепость на «полонную жонку киргизские породы» (то есть пленницу из енисейских киргизов), которую продал

Греченину томский казак Фёдор Черепанов за 5 рублей. Чиновник сделал запись, что «жонкой киргизские породы» покупатель может «владеть вечно», а также «на сторону продать и заложить». С этой сделки была взята пошлина: «По указу великого государя, пошлинные деньги с рубля по алтыну, итого 5 алтын в казну великого государя взято сполна». Итого женщина «киргизской породы» обошлась дворянину Греченину в 5 рублей 15 копеек.

СИБИРСКОЕ РАБСТВО

На начало XVIII века документы содержат немало свидетельств о торговле сибирскими аборигенами и ценах на них. Так, в Берёзовском остроге (куда после смерти Петра I сошлют князя Меншикова) хантскую девочку (остячку) в возрасте до 7 лет можно было купить за 20 копеек, а мальчика того же возраста — на 5 копеек дороже.

Шведский подполковник Иоганн Страленберг после разгрома под Полтавой попал в плен и оказался в Сибири. Позднее он описывал свои наблюдения, как якуты, «когда им бывает в ясаке и в долгах нужда, детей своих, примерно возраста 10 и 12 лет, продают русским людям и иноземцам по 2 – 3 рубля без жалости».

Правда, царское правительство пыталось ограничить рабство в Сибири, и специальным указом Петра I от 1699 года было запрещено обращать в холопы и покупать подданных русского царя из сибирских народов. Однако в далёких сибирских землях этот запрет регулярно нарушался.

Сибирь тогда испытывала острую нехватку населения и рабочих рук. Поэтому в 1737 году императрица Анна Иоанновна официально разрешила